

Гу Цзинцзэ замер, бросился следом, распахнул дверь тесной комнаты и, увидев на кровати знакомый холмик, почувствовал, как тревога в сердце постепенно утихает.

Он забрался на кровать, обнял Цзян Фэна, а когда почувствовал, что вот-вот свалится, ещё немного подвинулся ближе:

— Цзян Фэн? Ты сердишься? — осторожно спросил он.

— Нет, спать хочу, — последовал холодный ответ; было очевидно, что тот вовсе не желает общаться с человеком за спиной.

— Прости, я не должен был срываться на тебе. Просто я так разозлился... разозлился, что ты совсем о себе не заботишься.

— Хватит сердиться на меня, я знаю, что был неправ.

Гу Цзинцзэ мягко, через одеяло, погладил Цзян Фэна по спине.

Цзян Фэн ничего не ответил, отгородившись от мира и не желая поворачиваться лицом к реальности.

Видя, что Цзян Фэн не шевелится, Гу Цзинцзэ продолжил:

— Твои раны обработаны? Ещё болит? Нужно перевязать заново? Я купил мазь от шрамов.

Цзян Фэн, выслушав три вопроса подряд, слегка раздражился. С трудом повернувшись в объятиях Гу Цзинцзэ, он откинул одеяло, накрыл им Гу Цзинцзэ, прижался к его груди и глухим, сонным голосом произмолвил:

— Всё обработано, мазать не нужно... Спать.

В голове у Цзян Фэна сейчас крутилось только одно слово: «спать». То ли камень с души наконец упал, но сонливость навалилась на него лавиной, мгновенно поглощая целиком.

Гу Цзинцзэ хотел было просунуть руку под мышку Цзян Фэна и прижать к себе, но тот оттолкнул его: он вовсе не собирался спать в обнимку с Гу Цзинцзэ, ведь у него на груди лежал плюшевый медведь.

Гу Цзинцзэ опустил взгляд на эту мозолящую глаза игрушку и мысленно пожелал выбросить её к чёрту. Надоела, мешает обнимать Цзян Фэна, просто бельмо на глазу.

Рано или поздно, когда Цзян Фэна не будет дома, он избавится от неё, и тогда Цзян Фэн сможет прижиматься к ней только к нему.

С недовольным видом поджав губы, Гу Цзинцзэ охватило глухое раздражение.

И всё же тронуть медведя в объятиях Цзян Фэна он не посмел. Вместо этого он просто обнял Цзян Фэна, прижавшись к нему всем телом, уткнулся носом в его макушку и провалился в сон.

На рассвете небо едва окрасилось в бледный жемчужно-серый оттенок, как луч золотого солнца пробился сквозь приоткрытое окно и упал на крепко обнимающих друг друга людей. Уютный и мягкий утренний свет наполнил тесноватую комнату густой пеленой нежности.

На односпальной кровати медвежонок, которого Цзян Фэн перед сном прижимал к груди, уже валялся на полу.

Лишившись привычной опоры, Цзян Фэн инстинктивно вытянул руки, пытаясь нащупать что-то надёжное.

Пошарив вокруг, он так и не дотронулся до знакомого мишки, зато наткнулся на тело Гу Цзинцзэ, оказавшееся совсем близко.

Цзян Фэн слегка нахмурился, но до конца так и не проснулся.

Казалось, его это не волновало: он просто по привычке обвил руками талию Гу Цзинцзэ, легко прижался лбом к его широкой груди и снова провалился в туманный сон.

Почувствовав, как Цзян Фэн сам тянется к нему, Гу Цзинцзэ едва заметно улыбнулся и медленно приоткрыл осоловелые глаза.

Он протянул руку к пульту на прикроватной тумбочке и, увидев красную кнопку, без колебаний нажал её. Окно тут же автоматически закрылось, и комнату снова окутала темнота.

Рука Гу Цзинцзэ скользнула по талии Цзян Фэна, с усилием прижимая его к себе так крепко, будто он хотел растворить его в собственных объятиях.

В этот момент Цзян Фэн походил на маленькую коалу, отыскавшую безопасную гавань и доверчиво прильнувшую к нему.

Но прошло совсем немного времени.

Почувствовав, как Гу Цзинцзэ шевельнулся, устраиваясь поудобнее, Цзян Фэн недовольно

хмыкнул, уткнулся носом ему в грудь и, немного стряхнув с себя сонливость, попытался приоткрыть глаза.

Заметив, что Цзян Фэн просыпается, Гу Цзинцзэ торопливо вернул его голову на место, аккуратно надавив ладонью, а свободной рукой принялся мягко похлопывать по спине, тихо приговаривая:

— Всё хорошо, спи...

Низкий, ласковый голос зазвучал над самым ухом, и Цзян Фэн, чьи брови были сметены в тугую складку, постепенно разгладил лицо. Тело расслабилось, и под это убаюкивающее бормотание он снова погрузился в сон.

— Фух... — с облегчением выдохнул Гу Цзинцзэ. К счастью, Цзян Фэн не проснулся окончательно: увидь он сейчас на полу эту «вонючую собаку-медведя», несдобровать бы ему.

В конце концов, Цзян Фэн и раньше из-за этого медведя устраивал взрывы гнева, а злить его сейчас совсем не хотелось — иначе как потом вымаливать ласку?

Какая уж там ласка, стоило опасаться, что даже за обычную порцию тумачков Цзян Фэн лишь поморщится от раздражения и включит режим тотального игнора. А хуже всего была именно эта холодная отчужденность, как минувшей ночью: нет ничего мучительнее, чем молчание.

.....

.....

Проснувшись, Цзян Фэн потёр сонные глаза и шарил рукой по постели, пока не нащупал медведя и не прижал его к груди.

Лишь после этого он открыл глаза и какое-то время тупо смотрел в потолок, не проявляя ни малейшего намерения встать — словно робот, у которого ещё не завершилась загрузка и система зависла в режиме ожидания.

— Чего это ты? Ещё не проснулся? — раздался знакомый голос. Вошедший с завтраком в руках Гу Цзинцзэ как раз застал эту картину: Цзян Фэн с абсолютно ошарашенным видом пялился в потолок, растеряв всю душу, с пустыми глазами, точно изваяние.

Услышав знакомый голос, Цзян Фэн медленно повернул голову. Он только собирался что-то ответить, как Гу Цзинцзэ шагнул ближе, откинул назад влажные пряди со лба, обнажая гладкую кожу, наклонился и успокаивающе поцеловал его.

Отстранившись, Гу Цзинцзэ застал Цзян Фэна в полном ступоре — тот даже не сообразил, что произошло, пока ему в рот не сунули кусочек хлеба.

Цзян Фэн машинально начал жевать, но вскоре челюсти замерли, а лицо мгновенно залилось густой краской, которая в считанные секунды распространилась до самых ушей.

Он тут же попытался натянуть одеяло повыше, чтобы спрятать своё смущение, но не успел он сжать пальцы на ткани, как Гу Цзинцзэ на шаг опередил его: выудил его из-под одеяла, подложил под спину подушку и заставил откинуться назад.

— Опять хочешь спрятать голову в песок? — с улыбкой в голосе произнёс он.

Цзян Фэн не отрывал глаз от лица Гу Цзинцзэ — того самого, что находилось совсем рядом, с таким мягким и нежным выражением.

В этот момент лучи солнца падали прямо на лицо Гу Цзинцзэ, придавая ему особый, завораживающий шарм: в этой красоте одновременно сквозило дикое, дерзкое начало и та исключительная нежность, которую он проявлял только к Цзян Фэну.

Цзян Фэн мысленно вынес вердикт:

«Вылитая лиса-оборотень, вытягивающую из людей жизненные силы...»

— Хватит пялиться, я же не ем людей. Открой рот, — произнес Гу Цзинцзэ, подцепляя вилкой кусочек хлеба и поднося к губам Цзян Фэна.

Убедившись, что тот послушно приоткрыл рот, он со спокойной душой отвернулся и продолжил нарезать хлеб на аккуратные кусочки.

Собравшись снова покормить Цзян Фэна, он заметил, как тот резко отвернулся, уклоняясь от еды и больше не желая принимать угощение.

Затем Цзян Фэн поднялся, сел на краешек кровати и принялся есть сам.

Увидев это, Гу Цзинцзэ невольно бросил взгляд на покрасневшие до самых кончиков уши Цзян Фэна и мгновенно понял причину такого упрямства.

Сдерживая рвущуюся наружу улыбку, он плавно приблизился к пылающему уху и шёпотом произнёс:

— Что, смутился?

Цзян Фэн отчётливо почувствовал, как жар от чужого дыхания опалил мочку уха и пронзил самую душу, заставив сердце забиться чаще.

Он резко замер, тут же прикрыл уши ладонями, пытаясь пресечь очередную атаку Гу Цзинцзэ.

— Н-нет, вовсе нет, просто только проснулся, ещё толком в себя не пришёл, дело не в смущении, — попытался он оправдаться, напуская туману.

— О-о~ так просто только проснулся~ — многозначительно повторил тот.

Глядя на эту наглую физиономию Гу Цзинцзэ, Цзян Фэн почувствовал, как сердце заколотилось ещё быстрее, и поспешил отпрянуть назад, но не успел сделать и пару шагов, как уппелся спиной в стенку.

Заметив, что Гу Цзинцзэ вновь собирается сократить дистанцию и полезть с расспросами прямо в лицо, Цзян Фэн в панике взмахнул кулаком и отвесил ему звонкий щелчок по макушке.

— Цсс... Цзян Фэн, опять распускаешь руки, — Гу Цзинцзэ схватился за ушибленную голову, изображая вселенскую обиду и жалость.

Хотя Цзян Фэн даже не ударил его по-настоящему.

Цзян Фэн вжался плечами в плечи, точно перепуганный перепёлка, и с виноватым видом пробормотал:

— Прости.

Гу Цзинцзэ скривил губы, а в глазах мелькнула лукавая искорка.

— Если бы извинения помогали, зачем тогда нужна полиция? Сегодня ты мне задолжал компенсацию, — пугнул он Цзян Фэна.

— Сколько денег? — осторожно выдавил тот.

— Зачем деньги? Я сам возьму компенсацию, ты ведь не будешь сопротивляться? — легкомысленный тон выдавал торжество хитреца, чья ловушка вот-вот захлопнется.

Цзян Фэн с облегчением выдохнул, чувствуя внутреннее ликование.

Хорошо, что не деньгами — всё равно у него сейчас ни гроша за душой... Все сбережения он давно раздал на благотворительность, и осталось лишь жалкое крохое на месяц жизни.

Ничего не подозревая, Цзян Фэн простодушно кивнул, разрешая Гу Цзинцзэ забрать долг самостоятельно, и даже не догадывался, каким изошрённым пыткам тот его подвергнет.

.....

.....

Вконец разъярённый и сгоревший со стыда Цзян Фэн изо всех сил двинул кулаком по бедру Гу Цзинцзэ, совершенно не рассчитав удар, отчего тот взвыл от боли и закатался по кровати, обхватив ногу руками.

— Цзян Фэн, ну почему ты такой нерассудительный... Я же случайно, не специально... Стоило ли из-за такой мелочи устраивать драку? — сдавленным, хриплым голосом бросил Гу Цзинцзэ в сторону ванной, где Цзян Фэн исступленно отмывал лицо.

Цзян Фэну сейчас было не до его упрёков: ему хотелось свернуть наглецу шею, чтобы тот больше не смел творить безобразия.

Какая гадость...

Цзян Фэн долго возился в ванной, без конца умываясь, но больше всего раз чистил зубы.

Прихрамывая, Гу Цзинцзэ приплёлся к ванной, прислонился плечом к косяку двери; на его лице ещё не спал румянец возбуждения, а голос звучал всё так же хрипло:

— Хватит тереть, а то ведь до дыр кожу сотрешь...

Движения Цзян Фэна внезапно оборвались, к лицу прихлынула новая волна жара, ударив прямо в голову. Разъяренный, он схватил стоявшую рядом кружку и швырнул её в Гу Цзинцзэ.

Раздался звонкий удар о стену, брызги полетели в разные стороны, по полу заструилась вода, расползаясь лужами.

Гу Цзинцзэ воочию наблюдал, как кружка просвистела в опасной близости от его уха, и почувствовал, как внутри всё сжалось от неверия, а голос сам собой сорвался на крик:

— Цзян Фэн!

Цзян Фэн с трудом сдерживал бушующую внутри бурю, его руки дрожали.

В прежние времена Гу Цзинцзэ после такого фокуса уже не смог бы стоять на ногах целым и

невредимым — он бы отделал его до полусмерти.

Даже если бы Гу Цзинцзэ вздумал дать сдачи, ему пришлось бы выложиться до конца, сражаясь насмерть без единой капли жалости.

— Что? Тоже хочешь меня ударить?! — голос Цзян Фэна звучал ещё более хрипло и сухо, чем у Гу Цзинцзэ.

Гу Цзинцзэ стоял как вкопанный, не делая ни шагу назад, лишь сверлил Цзян Фэна тяжёлым, пронзительным взглядом — казалось, он хотел выжечь в нём дыру.

Они так и застыли на месте, упрямо ожидая, кто первый сдастся. Но оба были упрямы до мозга костей, и ни один из них не собирался идти на попятный или первым протянуть руку для примирения.

Сообразив, что обстановка накалилась до предела, Цзян Фэн швырнул умывальные принадлежности в мусорное ведро, резко развернулся, хлопнул дверью и ушёл из комнаты Гу Цзинцзэ.

Их очередная ссора вновь закончилась ничем.

Раздражённо массируя ноющие виски, Гу Цзинцзэ тяжело вздохнул, достал из домашней аптечки тюбик с успокаивающей мазью и направился в дальнюю комнату в конце коридора.

До чего же тяжелый у него характер! Временами просто невыносимый, но любить его — искреннее, настоящее чувство. И хотя порой дразнить его безумно весело, у самого не всегда находится настроение с ним возиться.

В дверь постучали: стук-стук.

Цзян Фэн, переодевающийся в чистую одежду, замер, собираясь открыть, но, едва коснувшись ручки, вдруг передумал и отдёргнул руку.

Лицо его исказилось горечью, утратив всякий вкус к жизни.

Гу Цзинцзэ долго колотил в дверь снаружи, но так и не дождался ответа. Плюнув на всё, он швырнул тюбик с мазью прямо на порог и ушёл.

Цзян Фэн сидел у кровати, прислушиваясь к звукам в коридоре. Извинений не последовало — только раздражённый окрик на прощание и стук упавшего предмета.

Пальцы, скомкавшие край одеяла, побелели. Он понуро опустил голову, погрузившись в тяжёлые мысли.

Спустя долгое время

Он издал горький, насмешливый смешок. Область возле сердца затопило удушливой горечью — такой едкой, что онемело всё тело, а боль колола так, будто изнутри прошили тысячей игл.

Цзян Фэн отпер дверь, опустил взгляд на валяющийся на полу тюбик, медленно присел на корточки и поднял его.

Его голос стал ещё более хриплым и надтреснутым:

— Дверь-то ведь была не заперта...

Покрутив в руках тюбик, он долго смотрел на него, после чего всё же захватил с собой мазь и зашёл в ванную. Отражение в зеркале встретило его потрескавшимися губами, на которых пятнами запеклась кровь — зрелище до боли издевательское.

Выдавлив немного крема на палец, он с бесстрастным лицом нанёс мазь на ранки и больше в этот день из комнаты не выходил.

Забравшись в постель, он плотно закутался в одеяло с головой, прижал к груди плюшевого медведя и заснул с покрасневшими уголками глаз.

Ему хотелось переждать бурю, позволить времени сгладить случившееся и притупить тупые, ноющие боли в груди, пока всё не уляжется.

Этот сон продлился до самого вечера, когда за окном уже сгустились сумерки.

Поднявшись, Цзян Фэн почувствовал сосущую пустоту в желудке. Заметив на тумбочке недоеденный хлеб, он без колебаний протянул руку, взял кусок и сунул в рот.

Язык тут же обдал приторный привкус шоколада. Нахмурившись от отвращения, он наклонился, взял корзинку для мусора и выплюнул еду.

Тогда он снова шарил по тумбочке, отыскал обычный белый хлеб и отправил в рот кусок без добавок. Лицо расслабилось — трудно было понять, по вкусу ли пришлась ему эта еда.

Кое-как дожевав пресный ломоть, остатки шоколадного хлеба он безжалостно смахнул в урну.

Включив треснувший экран телефона, он проверил время.

Половина восьмого вечера.

Зажав рукой ноющий желудок, Цзян Фэн на ватных ногах поднялся, приоткрыл дверь и поплёлся вниз по лестнице.

Добравшись до гостиной на первом этаже, он поскорее налил себе стакан воды — холодная или горячая, разбираться не стал — и жадно осушил до дна. Саднившую от сухости горло наконец отпустило.

<http://bllate.org/book/22362/2344622>